

УДК 930

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

Обзорная статья

Религиозная политика императора Павла I в современной историографии

Никишин Б.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена отражению религиозной политики императора Павла I (1796–1801) в современной историографии. Автор последовательно обращается к различным направлениям религиозной политики императора. Особое внимание уделяется религиозным взглядам Павла I, вступлению на престол и коронационным торжествам, церковному управлению, положению духовенства, отношению к конфессиям и различным религиозно-философским учениям в России. Делается вывод, что в царствование императора Павла I церковный вопрос занимал важное место. Заметно улучшилось положение духовенства, но вместе с этим церковь окончательно становится институтом самодержавной власти. Император возлагал большие надежды на воспитательную и охранительную функции церкви. Вместе с тем Павел I был терпим в вопросах, связанных с чужой верой. Защищая православие и проводя лояльную политику по отношению к другим конфессиям и религиозным течениям, император всегда руководствовался государственными интересами.

Ключевые слова: Павел I, государство, церковь, духовенство, религиозная политика, конфессии, веротерпимость

Для цитирования: Никишин Б.А. 2022. Религиозная политика императора Павла I в современной историографии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 619–629. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

The Religious Policy of Emperor Paul I in Modern Historiography

Boris A. Nikishin

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russia
E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the reflection of the religious policy of Emperor Paul I (1796–1801) in modern historiography. The author consistently addresses various areas of the emperor's religious policy. Special attention is paid to the religious views of Paul I, accession to the throne and coronation celebrations, church administration, the position of the clergy, attitudes towards confessions and various religious and philosophical teachings in Russia. The author concludes that during the reign of Emperor Paul I, the church question occupied an important place. The situation of the clergy has noticeably improved, but at the same time, the church finally becomes an institution of autocratic power. The Emperor had high hopes for the educational and protective functions of the church. At the same time, Paul I was tolerant in matters related to someone else's faith. Defending Orthodoxy and pursuing a loyal policy towards other confessions and religious movements, the emperor has always been guided by state interests.

Keywords: Paul I, state, church, the clergy, religious policy, confessions, religious tolerance

For citation: Nikishin B.A. 2022. The Religious Policy of Emperor Paul I in Modern Historiography. Via in tempore. History and political science. 49 (3): 619–629 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-619-629

Введение

На протяжении XIX и первой половины XX века религиозная политика императора Павла I в трудах отечественных историков рассматривалась фрагментарно и не получила целостного освещения и осмысления. За последние три десятилетия в отечественной историографии заметно повысился интерес к религиозным взглядам и религиозной политике Павла I.

Под религиозной политикой в широком смысле слова следует понимать совокупность церковно-государственных и церковно-общественных мероприятий, проводимых как во внутренней, так и во внешней политике государства. Во внутренней политике России при Павле I можно выделить следующие направления: церковное управление, положение духовенства, отношение к конфессиям и различным религиозно-философским учениям; во внешней политике – выстраивание отношений с католиками и униатами за пределами России.

На протяжении всего XVIII века самодержавная власть небезуспешно боролась за подчинение церкви светской власти и включение её в государственный аппарат. Достаточно вспомнить ликвидацию патриаршества и учреждение Синода Петром I, секуляризацию церковного землевладения и определение для монашества жалования из казны Екатериной II. При этом монархия не собиралась уничтожить церковную организацию, поскольку нуждалась в идеологической опоре своей власти. В этой связи особенно привлекательным для исследователей является непродолжительное царствование Павла I, которое приходится на рубеж XVIII–XIX веков.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является религиозная политика Павла I на основе комплексного анализа публикаций в современной историографии. Рассматриваются работы историков, посвящённые различным направлениям религиозной политики императора Павла I и вышедшие за последние три десятилетия (1991–2021).

В процессе научного исследования проблемы были использованы хронологический и историко-сравнительный методы. Данные методы позволили рассмотреть все события в их развитии и взаимной связи, а также выявить общее и особенное во взглядах историков на различные аспекты религиозной политики Павла I. Историко-сравнительный метод позволил доказать, что подавляющее большинство исследователей считают преобразования императора в церковной сфере важными и своевременными. Охраняя православие и руководствуясь государственными интересами, Павел I активно выстраивал отношения с Римско-католической церковью, католическими рыцарскими орденами и различными религиозно-философскими учениями XVIII века.

Результаты и их обсуждение

В центре внимания исследователей последних десятилетий находятся различные аспекты религиозной политики императора Павла I: религиозные взгляды Павла I [Хайкина, 2000; Григорьев, 2004; Скоробогатов, 2015; Граур, 2019]; религиозные взгляды митрополита Платона (Левшина) и его отношение к католичеству [Галанов, 2006; Бессарабова, 2008; Глазева, 2009, 2010]; нормативно-правовые акты в отношении церкви и духовенства [Семашко, 2013; Абрамова, 2015; Момотова, 2018]; взаимоотношения императора с католической церковью [Сафонов, 1995; Сорокин, 1999]; взаимоотношения Павла I с Маль-

тийским орденом [Шалдунова, 2006; Асварищ, 2012]; деятельность Станислава Сестренича по созданию централизованного управления римско-католической церковью в России [Галанов, 2012]; конфессиональная политика на примере Западных губерний и униатская проблема [Петрова, 2006; Галанов, 2011, 2012; Шевкун, 2011, 2018; Семашко, 2013; Чуль, 2017; Романчук, 2020]; отечественная и зарубежная историография проблемы [Григорьев, 2004; Галанов, 2010, 2011].

Религиозная политика Павла I получила освещение в целом ряде диссертационных исследований [Григорьев, 2004; Лушин, 2004; Шалдунова, 2006; Момотова, 2021].

Обращаясь к детству Павла, исследователи пытаются рассмотреть, как формировалось мировоззрение цесаревича, и найти в его личности те черты, которые отчётливо проявятся при восшествии на престол.

А.С. Глазева отмечает огромное влияние митрополита Платона (Левшина) на духовное становление цесаревича [Глазева, 2010, с. 7]. Благодаря стараниям Платона Павел познакомился с русской православной философией, что, по мнению С.Л. Григорьева, способствовало формированию представлений наследника о том, как выстраиваются взаимоотношения между царём и церковью [Григорьев, 2004, с. 13]. Вместе с тем Платон в своих проповедях резко осуждал философию французских просветителей и масонство [Глазева, 2009, с. 106; Глазева, 2010, с. 7].

Другой знаковой личностью, повлиявшей на нравственное становление цесаревича, был учитель С.А. Порошин, который познакомил десятилетнего Павла с историей Мальтийского ордена и нравственными идеалами рыцарства [Григорьев, 2004, с. 16].

Отдельным сюжетом является увлечение Павла Петровича идеями масонства. Л.В. Хайкина и С.Л. Григорьев отвергают документально неподтверждённую версию о вступлении Павла в масонскую ложу, но при этом отмечают влияние философии масонства на Павла, которому явно импонировал библейский образ «царя-первосвященника» [Хайкина, 2000, с. 167; Григорьев, 2004, с. 15–16].

А.Н. Лушин подчёркивает, что на рубеже XVIII–XIX веков российские масоны занимали видные государственные посты (братья Н.И. и П.И. Панины, И.В. Лопухин) и активно проявляли себя в культуре и общественной жизни (И.П. Елагин, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин) [Лушин, 2004, с. 12–13]. Цесаревича привлекала масонская литература и ритуалы, из которых он извлёк идею о том, что истинный самодержец должен быть не только светским, но и духовным лидером [Хайкина, 2000, с. 166–167; Григорьев, 2004, с. 15].

Религиозно-философские идеи XVIII века были запечатлены в величественном памятнике павловского царствования – Михайловском замке. Занимаясь изучением Михайловского замка, С.О. Кузнецов впервые высказал мысль о том, что в концепции замка была заложена идея храма [Кузнецов, 1996]. Л.В. Хайкина обращает внимание на образ «царя-первосвященника» в сакральной топонимике Михайловского замка [Хайкина, 2000, с. 167]. На фасаде замка над Воскресенскими воротами располагается надпись: «Дому Твоему подобает Святыня Господня в долготу дней» [Хайкина, 2000, с. 164]. Эта перефразированная цитата из Псалтыри может свидетельствовать о том, что Павел I ощущал себя не только Земным Царём, но и преемником Царя Небесного [Хайкина, 2000, с. 168]. Михайловский замок как архитектурное сооружение (квадрат с вписанным в него восьмигранником), по мнению Л.В. Хайкиной, представляет собой воплощение двух фундаментальных идей – богоустановленности царской власти и мессианской роли России [Хайкина, 2000, с. 169].

Итак, многие исследователи, опираясь на воспоминания современников, считают Павла I глубоко религиозным человеком. При этом С.Л. Григорьев указывает на эклектичность мировоззрения Павла I [Григорьев, 2004, с. 13]. В сознании императора нашлось место как для православного мировоззрения, так и для мистического восприятия религии. Последнее нашло отражение в тяге Павла Петровича к романтической идее о рыцарстве, определённой заинтересованности по отношению к масонам и символизму, присущем

всему царствованию монарха [Григорьев, 2004, с. 14; Семашко, 2013, с. 200; Граур, 2019, с. 34–35].

Вступление на престол и коронация Павла I рассматриваются А.В. Скоробогатовым как «возвращение к традиционной, византийско-самодержавной модели власти» [Скоробогатов, 2015, с. 16]. В качестве подтверждения своей точки зрения историк приводит манифест о вступлении на престол от 6 ноября 1796 г. и манифест о предстоящем коронавании от 18 декабря 1796 г. Первый манифест закреплял приоритетность принципа наследственности над принципом общественной выгоды, а второй манифест обращался к византийско-православной традиции венчания на царство [Там же].

В пасхальное воскресенье 5 апреля 1797 г. на коронации в Успенском соборе Павел I окончательно оформил обряд «русского чина священного коронавания», в соответствии с которым монарх сам возлагал на себя царские регалии [Высочков, 2017, с. 74]. Время и место проведения коронации придавали торжеству сакральный характер.

Вслед за И.Ф. Токмаковым, А.В. Скоробогатов считает, что коронация Павла I соединяла в себе три церемонии – государственную, военную (у И.Ф. Токмакова – царскую) и религиозную (у И.Ф. Токмакова – церковную) [Токмаков, 1896, с. 100; Скоробогатов, 2015, с. 17]. Л.В. Хайкина замечает, что Павел I ориентировался на византийскую модель власти, в основе которой лежала идея о симфонии (согласии) между светской и церковной властью [Хайкина, 2000, с. 166].

Подчинение церкви императорской власти нашло отражение в новом статусе русского императора, который официально стал именоваться главой церкви [Хайкина, 2000, с. 164]. В связи с этим в Акте о престолонаследии обговаривалось важное условие, согласно которому наследник должен был исповедовать православие. Опираясь на это условие, А.Г. Семашко и Е.Д. Граур считают, что для Павла I религиозные воззрения были важнее государственно-политических [Семашко, 2013, с. 201; Граур, 2019, с. 34–35].

Важное место в религиозной политике Павла I занимал вопрос церковного управления. Е.П. Момотова отмечает, что за неполные пять лет правления Павла I было издано 2 248 нормативных правовых актов, из которых 127 непосредственно затрагивали церковную сферу. По подсчётам Е.П. Момотовой, наиболее распространёнными нормативными актами в церковной сфере были Сенатские и Синодские указы, а также Именные указы, данные Сенату [Момотова, 2018, с. 155]. А.Г. Семашко обращает внимание на противоречие церковного и государственного права, которое возникло в царствование Павла I. Несмотря на то, что законодательство всячески подчёркивало господствующее положение православия в России, данный факт не нашёл отражения в церковном вероучении [Семашко, 2013, с. 200].

В царствование Павла I впервые было решено допускать крепостных крестьян к присяге императору. Нововведение привело к тому, что в некоторых губерниях вспыхнули волнения (1796–1798). Крестьяне считали, что государь освободил их от крепостной зависимости [Каменский, 2001, с. 496]. Императору пришлось послать войска для усмирения взбунтовавшихся крестьян. Следствие показало, что в крестьянских волнениях участвовало сельское духовенство. Данный факт, как считает И.Л. Абрамова, способствовал тому, что император обратил внимание на положение священников [Абрамова, 2015, с. 2].

В XVIII в. престиж и нравственный авторитет духовного сословия стремительно снижался. В царствование императрицы Екатерины II сельское и городское духовенство находилось в тяжёлом материальном положении, уровень образования священников был довольно низким.

Взойдя на престол, Павел I попытался качественно изменить сложившуюся ситуацию. Императором был издан ряд указов, которые освобождали священников от налогов, увеличивали их земельные участки и освобождали от уплаты многих повинностей. И.Л. Абрамова указывает, что увеличенные церковные надельные участки предписывалось обрабатывать прихожанам, которые негативно восприняли данное предписание и не собирались ра-

ботать [Абрамова, 2015, с. 2–3]. Для решения этой проблемы государству пришлось пойти на некоторые уступки. Было решено передать церковные земли в собственность прихожан при условии последующей платы священникам натурой. Как замечает И.Л. Абрамова, данный императорский указ выполнялся крестьянами неохотно [Абрамова, 2015, с. 3].

При Павле I заметно улучшилось материальное положение вдов и сирот священнослужителей. Теперь детей духовенства позволялось назначать как в духовные должности, так и в светские. Это изменение, по мнению И.Л. Абрамовой, было продиктовано нуждами постоянно растущего государственного аппарата, который слишком медленно пополнялся за счёт дворянства [Абрамова, 2015, с. 4–5]. Таким образом, государство стремилось уменьшить количественный состав духовенства. При этом заметного сокращения численности клира не наблюдалось. Церковь всячески пыталась не допустить выхода из духовного сословия.

По мнению Е.П. Момотовой, православная церковь была «одной из самых богатых структур государства», поскольку она контролировала значительные людские, земельные и денежные ресурсы [Момотова, 2018, с. 154]. Церковь выполняла целый ряд важных социальных функций: регулировала брачно-семейные отношения, оповещала население о важных событиях и чрезвычайных ситуациях, занималась просвещением [Момотова, 2018, с. 155].

Р.В. Чуль обращает внимание, что император заботился о поднятии морального престижа духовенства [Чуль, 2017, с. 47]. С 1796 г. духовные лица освобождались от телесных наказаний за уголовные преступления до момента лишения сана. Однако уже в 1800 г. для приходского духовенства вновь были введены телесные наказания.

Учреждались специальные знаки отличия для духовенства – драгоценный наперстный крест, дорогая митра, бархатная камилавка и малиновая скуфья [Абрамова, 2015, с. 3; Выскочков, 2017, с. 74]. Так же, как и дворяне, священники стали награждаться знаками орденов, лентами и аксельбантами. В этом отношении духовенство как привилегированное сословие было уравнено с дворянством. Данное нововведение императора было неоднозначно воспринято в среде высшего духовенства. В частности, как отмечает А.С. Глазева, против награждения светскими орденами русского православного духовенства выступал митрополит Платон [Глазева, 2010, с. 13–14].

В царствование Павла I пристальное внимание уделялось развитию духовного образования, которое выступало не только гарантом общественного спокойствия, но и идеологической основой власти. По мнению И.Л. Абрамовой, в отношении духовенства Павел I воплотил в жизнь «принцип служения обществу согласно сословной принадлежности» [Абрамова, 2015, с. 4]. Духовенству отводилась почётная роль, которая заключалась в поддержании нравственного состояния общества. В этом прагматичный подход в церковной политике Павла I перекликался с задачами и целями, которые ставила перед собой Екатерина II. Главное отличие заключалось лишь в том, что Павел I предпринял шаги к комплексному реформированию духовного образования.

Огромный вклад в развитие духовного образования внесли митрополит Амвросий (Подобедов) и митрополит Платон (Левшин). А.В. Карташёв считает, что именно благодаря их стараниям было увеличено ассигнование на духовные школы. Появилось восемь новых семинарий (Каменец-Подольская, Вифанская, Тульская, Калужская, Пензенская, Пермская, Оренбургская, Армейская), а общее количество семинарий к концу XVIII в. возросло до 46. В епархиях открывались «русские начальные школы» (прототипы духовных училищ), которые занимались подготовкой псаломщиков. В 1797 г. Петербургская и Казанская семинарии стали именоваться академиями. В результате преобразований сформировались четыре духовные академии (Киевская, Московская, Петербургская, Казанская), которые просуществовали до революции [Карташёв, 1992, с. 555; Абрамова, 2015, с. 5].

Согласно А.А. Назарову, в царствование императрицы Екатерины II была создана «общенациональная поликонфессиональная система религиозного управления» [Назаров,

2020, с. 18]. Павел I продолжил начинания императрицы, связанные с выстраиванием отношений с представителями других вероисповеданий.

В отношениях с католичеством С.Л. Григорьев выделяет два направления павловской политики – внутривластное (проблема католиков и униатов, рыцарско-католические ордена в России) и внешнеполитическое (отношения с Римской католической церковью и Мальтийским орденом) [Григорьев, 2004, с. 21].

Западные губернии Российской империи состояли из литовских, белорусских и украинских земель, которые были присоединены к России в результате трёх разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). П.В. Шевкун обращает внимание, что на новоприсоединённых территориях конфессиональная структура существенно отличалась от остальной территории России. «Наиболее острую конкуренцию православию здесь составляли католичество и униатство» – подчёркивает П.В. Шевкун [Шевкун, 2018, с. 35]. Конфессиональная картина была следующая: аристократия (меньшинство) исповедовала католичество, а податное население (большинство) исповедовало униатство. Кроме того, в западных губерниях были также лютеранские и мусульманские общины. Всё это способствовало возникновению межконфессиональных противоречий, которые необходимо было решать.

Решение противоречий было найдено в создании добровольных православно-униатских общин, которые должны были препятствовать переходу основной части населения в католичество [Шевкун, 2018, с. 40–41]. П.В. Шевкун отмечает, что конкретизация перехода и методов агитации позволили сгладить возникшие противоречия и достичь компромисса. Подтверждением этому служит заметный рост в 1797–1798 гг. числа «присоединённых». По данным, которые приводит П.В. Шевкун, в 1797 г. в Минской губернии присоединили 6 церквей, 4 священника, 2 причетника и 3 254 прихожанина; в 1798 г. – 22 церкви, 12 священников, 10 причетников и 14804 прихожанина [Шевкун, 2018, с. 42]. Посредством усиления православия в регионе планировалось решить католическую и униатскую проблему.

Рассматривая униатскую проблему в западных губерниях, А. Романчук отмечал благосклонное отношение Павла I к католичествому. Подтверждением этого служит отказ Павла от создания самостоятельной униатской церкви и подчинение униатов власти главы католических церквей в России [Романчук, 2020, с. 295]. Благодаря деятельности могилёвского архиепископа С. Сестренцевича-Богуша, была создана стройная система управления и функционирования Римско-католической церкви в России [Галанов, 2012, с. 187].

И.Л. Абрамова обращает внимание на важный момент – «предоставление свободы вероисповедания не означало признания равноправия вер» [Абрамова, 2015, с. 8]. Православие по-прежнему оставалось господствующей религией. Павловские указы запрещали пропаганду иноверия среди православных и напротив поощряли переход в православие. Р.В. Чуль также считает, что политика правительства на западных окраинах, как и на всей территории России, была направлена на укрепление православия [Чуль, 2017, с. 49].

Примечательно, что к концу 1800 г. рассматривалась идея объединения христианских церквей [Высочков, 2017, с. 76]. Император приглашал Папу римского переселиться в Россию. По мнению С.Л. Григорьева, проект Павла I о соединении христианских церквей являлся одним из вариантов решения сложной конфессиональной проблемы в России, которая обострилась на рубеже веков [Григорьев, 2004, с. 3]. Вместе с тем Папа воспринимался Павлом I в качестве союзника против революционной Франции [Григорьев, 2004, с. 22]. По мнению М.М. Галанова, виновниками срыва этого уникального проекта были внешние (интриги испанского и австрийского двора) и внутренние (убийство Павла I) обстоятельства [Галанов, 2009, с. 99].

С.Л. Григорьев справедливо заметил, что рыцарская направленность присутствовала как во внутренней, так и во внешней политике Павла I [Григорьев, 2004, с. 17]. В 1798 г. император, руководствуясь государственными интересами, взял под своё покровительство Мальтийский орден. Ещё через два года в 1800 г. Павел I стал Великим магистром Маль-

тийского ордена. «Статус Великого Магистра давал Павлу огромные возможности на совершенно разных уровнях: политическом, военном, религиозном, этническом», – подчёркивал М.Б. Асварищ [Асварищ, 2012, с. 65]. Данный политический шаг императора был недооценён современниками [Шалдунова, 2006, с. 25–26]. Т.Н. Шалдунова на основе документальных источников убедительно доказала, что политический союз русского самодержца и рыцарей Мальтийского ордена был выгоден обеим сторонам. Рыцари искали союзников на континенте и хотели поправить своё финансовое положение, а император искал союзников в Европе против Англии, хотел создать постоянную базу русского флота в Средиземном море и стремился оградить Россию от нарастающих революционных настроений [Шалдунова, 2006, с. 18]. Несмотря на поставленные цели и предпринятые действия, воспользоваться результатами этого союза в полной мере не смогла ни одна из сторон [Шалдунова, 2006, с. 27].

Относительно взаимоотношений с иезуитами исследователи отмечают тот факт, что император приютил изгнанный Наполеоном иезуитский орден [Глазева, 2010; Галанов, 2012; Выскочков, 2017]. Иезуитам была доверена просветительская деятельность в западных губерниях [Выскочков, 2017, с. 76]. По мнению М.М. Галанова, «для эффективной работы иезуитов в России император и самодержец Всероссийский Павел I сделал гораздо больше, чем Ватикан» [Галанов, 2012, с. 165]. А.С. Глазьева, ссылаясь на данные М. Морошкина, упоминает, что за короткое царствование Павла I численность иезуитов в России увеличилась с 200 до 244 человек [Глазева, 2010, с. 15].

Начавшееся ещё в царствование Екатерины II «единоверческое движение» в полном цвете расцвело при Павле I. Суть этого движения заключалась в следующем: старообрядцы не подвергались гонениям за старые обряды при условии воссоединения с Русской Православной Церковью. «Единоверческое движение» привело к тому, что старообрядцы сохранили обряд, но утратили церковную иерархию.

Проблема выстраивания взаимоотношений со старообрядцами на протяжении всего XVIII века, по мнению С.Л. Григорьева, заключалась в двух аспектах: первый относился к чистоте православной веры, а второй ввиду значительного числа приверженцев «старой веры» являлся частью социальной политики [Григорьев, 2004, с. 19]. А.А. Назаров заметил, что Екатерина II поддерживала свободу вероисповедования и придерживалась идеи, что каждый подданный должен обладать равными правами вне зависимости от своей веры [Назаров, 2020, с. 16]. Этому постулата придерживался и Павел I. И.Л. Абрамова обращает внимание на целенаправленную политику Павла I, направленную на признание старообрядцев (разрешение старообрядцам иметь церковные надель, устройство единоверческих церквей) и использование их для укрепления своей власти [Абрамова, 2015, с. 7].

Заключение

Таким образом, анализ взглядов исследователей на различные направления религиозной политики Павла I позволил выяснить, что император был глубоко религиозным человеком, высоко ценил церковь и возлагал на неё большие надежды в деле воспитания подданных и сохранения государственного порядка. Церковь окончательно становится институтом самодержавной власти. В этом отношении император ориентировался на византийскую модель, в основе которой лежала идея о согласии между светской и церковной властью.

В царствование Павла I духовенство оформилось в привилегированное замкнутое сословие. Заметно улучшилось материальное положение духовенства, но вместе с тем повысились и требования к принимаемым духовным саном (огромная роль отводилась образованию и моральным качествам будущего представителя духовенства). Среди всех сословий духовенство имело все основания быть довольным политикой императора.

Отношение императора к конфессиям и религиозным течениям отличалось веротерпимостью при условии поддержки личной власти монарха. Взаимоотношения с Римской католической церковью и рыцарями Мальтийского ордена выстраивались на взаимовыгодной основе. В конфессиональной политике Павел I руководствовался государственными интересами.

Список литературы

- Абрамова И.Л. 2015. Церковь и государство в правление Павла I. Гуманитарный вестник, 9 (35): 1–11.
- Асварищ М.Б. 2012. Мальтийский орден в России (1797–1810). Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 11: 52–65.
- Бессарабова Н.В. 2008. Мировоззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина). Вопросы истории, 1: 141–147.
- Высочков Л.В. 2017. Россия на грани веков. Царствование Павла I. 1796–1801. Учебное пособие. СПб., Серебряный век, 164 с.
- Галанов М.М. 2009. Император Павел I и проблема объединения православной и католической церкви (к постановке вопроса). Вестник ЧелГУ, 38: 96–100.
- Галанов М.М. 2006. Митрополит Московский Платон и Павел I. Вопросы истории, 7: 150–155.
- Галанов М.М. 2012. Политика российского самодержавия в отношении католиков в годы царствования Павла I. СПб., СПбГИЭУ, 196 с.
- Галанов М.М. 2011. Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной Церкви в отношении католиков и униатов в царствование Павла I как предмет изучения зарубежной историографии. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 4–1 (10): 42–46.
- Галанов М.М. 2010. Российская историография проблемы взаимоотношений российского самодержавия и римско-католической церкви в годы царствования Павла I. Научные ведомости, 1 (72): 121–127.
- Галанов М.М. 2012. Создание руководящих документов Римско-католической церкви в России и проект С. Сестрэнцевича «Иерархия католической церкви в империи»: сравнительный анализ. Проблемы истории, филологии, культуры, 2 (36): 178–188.
- Глазева А.С. 2009. Жизнь и взгляды московского митрополита Платона (Левшина). Via in tempore. История. Политология, 15 (70): 104–110.
- Глазева А.С. 2010. Отношение Московского митрополита Платона (Левшина) к католицизму и к Католической Церкви. Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ, 36: 7–20.
- Граур Е.Д. 2019. Социально-правовой статус Русской Православной Церкви в период перехода от централизованного Московского государства XVII в. к Российской империи XVIII в. Право и практика, 4: 30–35.
- Григорьев С.Л. 2004. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 24 с.
- Каменский А.Б. 2001. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). М., РГГУ, 575 с.
- Карташёв А.В. 1992. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., Терра, 569 с.
- Кузнецов С.О. 1996. Центр петербургского мира (О плане создания Михайловского замка). Архитектура мира. Материалы конференции «Запад-Восток: Искусство композиции в истории архитектуры». М., 5: 63–66.
- Лушин А.Н. 2004. Государственно-правовые воззрения российских масонов на рубеже XVIII–XIX веков. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 29 с.
- Момотова Е.П. 2021. Законодательство Павла I: структура, специфика, значение. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 26 с.
- Момотова Е.П. 2018. Нормативные правовые акты в церковной сфере, изданные в период правления Павла I: структура и общая характеристика. Новый ракурс, 4: 154–160.
- Назаров А.А. 2020. Религиозная политика Екатерины II как фактор формирования первого в Европе толерантного многоконфессионального общества. Вестник РМАТ, 3: 13–19.

- Петрова М.А. 2006. Иезуиты в церковной политике Павла I. В кн.: Россия и иезуиты 1772–1820. М., Наука: 161–180.
- Романчук А. 2020. Причины возникновения движения к православию униатского духовенства в Российской империи в первой трети XIX века. Тетради по консерватизму, 2: 293–317.
- Сафонов М.М. 1995. Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., РИЦ Культ-информ-пресс, 142 с.
- Семашко А.Г. 2013. Правовое регулирование взаимоотношений Русской Православной Церкви с иными конфессиями в Российской империи XIX века. Образование и право, 5–6: 199–205.
- Скоробогатов А.В. 2015. Коронация императора Павла I: образ монарха в церемониальной культуре эпохи просвещения. КНЖ, 1 (10): 16–20.
- Сорокин Ю.А. 1999. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск, ОмГУ, 320 с.
- Токмаков И.Ф. 1896. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М., изд. К.И. Тихомирова: 100.
- Чуль Р.В. 2017. Политика российского правительства в отношении православной конфессии на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX века. Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки, 5: 46–50.
- Шалдунова Т.Н. 2006. Польские земли во взаимоотношениях Мальтийского ордена и Российской империи. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 29 с.
- Шевкун П.В. 2018. Западные губернии Российской империи: эволюция свободы вероисповеданий (1772–1855). Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2: 34–51.
- Шевкун П.В. 2011. Основные направления деятельности православной иерархии белорусских земель в 1796–1825 годах. Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук, 2: 26–31.
- Хайкина Л.В. 2000. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I. Отечественная история, 2: 164–170.

References

- Abramova I.L. 2015. Tserkov' i gosudarstvo v pravlenie Pavla I [Church and State in the reign of Paul I]. Gumanitarnyy vestnik, 9 (35): 1–11 (in Russian).
- Asvarishch M.B. 2012. Mal'tiyskiy orden v Rossii (1797–1810) [Order of Malta in Russia (1797–1810)]. Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, 11: 52–65 (in Russian).
- Bessarabova N.V. 2008. Mirovozzrenie i deyatel'nost' mitropolita Platona (Levshina) [The worldview and activities of Metropolitan Platon (Levshin)]. Voprosy istorii, 1: 141–147 (in Russian).
- Vyskochkov L.V. 2017. Rossiya na grani vekov. Tsarstvovanie Pavla I. 1796–1801 [Russia is on the verge of centuries. The Reign of Paul I. 1796–1801]. Uchebnoe posobie. SPb., Serebryanyy vek, 164 p. (in Russian).
- Galanov M.M. 2009. Imperator Pavel I i problema ob"edineniya pravoslavnoy i katolicheskoy tserkvey (k postanovke voprosa) [Emperor Paul I and the problem of unification of the Orthodox and Catholic Churches (to raise the question)]. Vestnik ChelGU, 38: 96–100 (in Russian).
- Galanov M.M. 2006. Mitropolit Moskovskiy Platon i Pavel I [Metropolitan Platon and Paul I of Moscow]. Voprosy istorii, 7: 150–155 (in Russian).
- Galanov M.M. 2012. Politika rossiyskogo samodержaviya v otnoshenii katolikov v gody tsarstvovaniya Pavla I [The policy of the Russian autocracy towards Catholics during the reign of Paul I]. SPb., SPbGIEU, 196 p (in Russian).
- Galanov M.M. 2011. Politika rossiyskogo samodержaviya i pozitsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v otnoshenii katolikov i uniatov v tsarstvovanie Pavla I kak predmet izucheniya zarubezhnoy istoriografii [The Policy of the Russian Autocracy and the Position of the Russian Orthodox Church in relation to Catholics and Uniates in the Reign of Paul I as a subject of study of foreign Historiography]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki, 4–1 (10): 42–46 (in Russian).
- Galanov M.M. 2010. Rossiyskaya istoriografiya problemy vzaimootnosheniy rossiyskogo samodержaviya i rimsko-katolicheskoy tserkvi v gody tsarstvovaniya Pavla I [Russian Historiography problems of the relationship between the Russian autocracy and the Roman Catholic Church during the reign of Paul I]. Nauchnye vedomosti, 1 (72): 121–127 (in Russian).

- Galanov M.M. 2012. Sozdanie rukovodyashchikh dokumentov Rimsko-katolicheskoy tserkvi v Rossii i proekt S. Sestrentsevicha «Ierarkhiya katolicheskoy tserkvi v imperii»: sravnitel'nyy analiz [Creation of the governing documents of the Roman Catholic Church in Russia and S. Sestrentsevich's project «Hierarchy of the Catholic Church in the Empire»: comparative analysis]. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2 (36): 178–188 (in Russian).
- Glazeva A.S. 2009. Zhizn' i vzglyady moskovskogo mitropolita Platona (Levshina) [The Life and Views of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya, 15 (70): 104–110 (in Russian).
- Glazeva A.S. 2010. Otnoshenie Moskovskogo mitropolita Platona (Levshina) k katolichestvu i k Katolicheskoy Tserkvi [The attitude of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow to Catholicism and to the Catholic Church]. Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTs, 36: 7–20 (in Russian).
- Graur E.D. 2019. Sotsial'no-pravovoy status Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period perekhoda ot tsentralizovannogo Moskovskogo gosudarstva XVII v. k Rossiyskoy imperii XVIII v. [The social and legal status of the Russian Orthodox Church during the transition from the centralized Moscow state of the XVII century to the Russian Empire of the XVIII century]. Pravo i praktika, 4: 30–35 (in Russian).
- Grigor'ev S.L. 2004. Religioznye vzglyady i religioznaya politika Pavla I [Religious views and religious policy of Paul I]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 24 p. (in Russian).
- Kamenskiy A.B. 2001. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka (Opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIII century (Experience of holistic analysis)]. M., RGGU, 575 p. (in Russian).
- Kartashev A.V. 1992. Ocherki po istorii russkoy tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]. T. 2. M., Terra, 569 p. (in Russian).
- Kuznetsov S.O. 1996. Tsentr peterburgskogo mira (O plane sozdaniya Mikhaylovskogo zamka) [The Center of the Petersburg World (About the plan for the creation of the Mikhailovsky Castle)]. Arkhitektura mira. Materialy konferentsii «Zapad-Vostok: Iskusstvo kompozitsii v istorii arkhitektury». M., 5: 63–66 (in Russian).
- Lushin A.N. 2004. Gosudarstvenno-pravovye vozzreniya rossiyskikh masonov na rubezhe XVIII–XIX vekov [State-legal views of Russian Freemasons at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Avtoref. dis. ... kand. iur. nauk. Nizhniy Novgorod, 29 p. (in Russian).
- Momotova E.P. 2021. Zakonodatel'stvo Pavla I: struktura, spetsifika, znachenie [The legislation of Paul I: structure, specifics, meaning]. Avtoref. dis. ... kand. iur. nauk. Nizhniy Novgorod, 26 p. (in Russian).
- Momotova E.P. 2018. Normativnye pravovye akty v tserkovnoy sfere, izdannye v period pravleniya Pavla I: struktura i obshchaya kharakteristika [Normative legal acts in the Church sphere issued during the reign of Paul I: structure and general characteristics]. Novyy rakurs, 4: 154–160 (in Russian).
- Nazarov A.A. 2020. Religioznaya politika Ekateriny II kak faktor formirovaniya pervogo v Evrope tolerantnogo mnogokonfessional'nogo obshchestva [The Religious policy of Catherine II as a factor in the formation of the first tolerant multi-confessional society in Europe]. Vestnik RMA, 3: 13–19 (in Russian).
- Petrova M.A. 2006. Iezuity v tserkovnoy politike Pavla I. V kn.: Rossiya i iezuity 1772–1820 [The Jesuits in the Church Policy of Paul I. In: Russia and the Jesuits 1772–1820]. M., Nauka: 161–180 (in Russian).
- Romanchuk A. 2020. Prichiny vozniknoveniya dvizheniya k pravoslaviyu uniatskogo dukhovenstva v Rossiyskoy imperii v pervoy treti XIX veka [The causes of the movement towards Orthodoxy of the Uniate clergy in the Russian Empire in the first third of the XIX century]. Tetradi po konservatizmu, 2: 293–317 (in Russian).
- Safonov M.M. 1995. Imperator Pavel I i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii [Emperor Paul I and the Order of St. St. John of Jerusalem in Russia]. SPb., RITs Kul't-inform-press, 142 p. (in Russian).
- Semashko A.G. 2013. Pravovoe regulirovanie vzaimootnosheniy Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi s inymi konfessiyami v Rossiyskoy imperii XIX veka [Legal regulation of the relationship of the Russian Orthodox Church with other confessions in the Russian Empire of the XIX century]. Obrazovanie i pravo, 5–6: 199–205 (in Russian).

- Skorobogatov A.V. 2015. Koronatsiya imperatora Pavla I: obraz monarkha v tseremonial'noy kul'ture epokhi prosveshcheniya [Coronation of Emperor Paul I: the image of the monarch in the ceremonial culture of the Enlightenment]. *KNZh*, 1 (10): 16–20 (in Russian).
- Sorokin Yu.A. 1999. Rossiyskiy absolyutizm v posledney treti XVIII veka [Russian Absolutism in the last third of the XVIII century]. Omsk, OmGU, 320 p. (in Russian).
- Tokmakov I.F. 1896. Istoricheskoe opisanie vsekh koronatsiy rossiyskikh tsarey, imperatorov i imperatrits [Historical description of all coronations of Russian tsars, emperors and empresses]. M., izd. K.I. Tikhomirova: 100 (in Russian).
- Chul' R.V. 2017. Politika rossiyskogo pravitel'stva v otnoshenii pravoslavnoy konfessii na territorii Belarusi v kontse XVIII – nachale XX veka [The policy of the Russian government towards the Orthodox denomination on the territory of Belarus in the late XVIII – early XX century]. *Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiiya, ekonomicheskie nauki, yuridicheskie nauki*, 5: 46–50 (in Russian).
- Shaldunova T.N. 2006. Pol'skie zemli vo vzaimootnosheniyakh Mal'tiyskogo ordena i Rossiyskoy imperii [Polish Lands in the relationship of the Order of Malta and the Russian Empire]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Armavir, 29 p. (in Russian).
- Shevkun P.V. 2018. Zapadnye gubernii Rossiyskoy imperii: evolyutsiya svobody veroispovedaniy (1772–1855) [Western Provinces of the Russian Empire: the Evolution of Religious Freedom (1772–1855)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 2: 34–51 (in Russian).
- Shevkun P.V. 2011. Osnovnye napravleniya deyatelnosti pravoslavnoy ierarkhii belorusskikh zemel' v 1796–1825 godakh [The main activities of the Orthodox hierarchy of the Belarusian lands in 1796–1825]. *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 2: 26–31 (in Russian).
- Khaykina L.V. 2000. Mikhaylovskiy zamok i nekotorye aspekty religiozno-filosofskikh vozzreniy Pavla I [Mikhailovsky Castle and some aspects of the religious and philosophical views of Paul I]. *Otechestvennaya istoriya*, 2: 164–170 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.09.2022

Received 09.09.2022

Поступила после рецензирования 13.09.2022

Revised 13.09.2022

Принята к публикации 13.09.2022

Accepted 13.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никишин Борис Андреевич, магистрант кафедры истории России с древнейших времён до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Boris A. Nikishin, MA student of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9804-8058](https://orcid.org/0000-0002-9804-8058)